

ЭНГЕЛЬС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

(к 150-летию со дня рождения Фридриха Энгельса)

Л. А. АБРАМЯН
Доктор философских наук

Возникновение в 40-х годах прошлого столетия марксистского мировоззрения было знаменем времени и исторической необходимостью, обусловленной всем предшествующим социально-экономическим, политическим и идейно-теоретическим развитием. Значение марксистской теории состоит в том, что она дала такой глубокий анализ современности и определяющих ее тенденций, на какое неспособно было ни одно другое философское или социологическое учение. В этом источник того беспримерного в истории воздействия на весь ход общественно-исторического развития человечества, которое присуще этой теории.

Ф. Энгельсу принадлежит та великая заслуга, что он вместе с К. Марксом разработал основы и разносторонне обосновал принципиально новое воззрение на мир, общество и человека, на смысл и перспективы его борьбы.

К новым воззрениям Ф. Энгельс, как и К. Маркс, пришел не сразу и не вследствие некоего мистического озарения. Для этого необходимо было совершить гигантский труд по осмыслению и переработке обширнейшего материала, почерпнутого как из самой жизни, так и научной области, прежде всего политэкономической. Примечательно, что первая встреча молодых еще в то время (1842 г., Кельн) К. Маркса и Ф. Энгельса не произвела особого впечатления ни на того, ни на другого. Лишь спустя два года, после знакомства Ф. Энгельса со страной развитого капитализма — Англией и с положением английского рабочего класса, после того, как и К. Маркс в своей публицистической деятельности вплотную столкнулся с действительным положением и реальными жизненными проблемами эксплуатируемого класса, только тогда, совершив в своем развитии переход от революционного демократизма к идеологии пролетариата, они увидели друг в друге единомышленников и соратников по борьбе. Идеи совместно разрабатываемого мировоззрения и большие человеческие чувства связали К. Маркса и Ф. Энгельса на всю жизнь.

Уже в период своего первого пребывания в Англии Ф. Энгельс обратился к изучению экономического строя капиталистического общества. Результатом его исследования явились «Очерки критики политической экономии», в которых подвергнуты критике принципы буржуазной политической экономии и научно рассмотрены существенные черты общества, где «справит собственность». «Очерки» были названы Марксом гениальным

наброском новой, пролетарской политической экономии. Это был по существу первый камень, заложенный в фундамент классического «Капитала».

С этого времени вся жизнь и деятельность Маркса проходила в почти ежедневном письменном либо же непосредственном общении с Ф. Энгельсом. И когда К. Маркс скончался, не успев завершить второй и третий тома «Капитала», Ф. Энгельс был единственным человеком, способным довести до конца этот грандиозный труд. В. И. Ленин отмечал, что эти два тома — труд двоих: К. Маркса и Ф. Энгельса. Изданием II и III томов «Капитала» Ф. Энгельс воздвиг своему другу памятник, на котором невольно начертал и свое имя¹. Печать замечательной дружбы, связывавшей основоположников философии диалектического материализма, носит все, что было создано ими, начиная со «Святого семейства» и «Немецкой идеологии» и кончая «Анти-Дюрингом».

Творческий гений, выдвигающий идеи и принципы совершенно нового мировоззрения, сочетался у Ф. Энгельса с редкой способностью применения этих принципов к самым различным сторонам действительности, к самым различным областям знания. Эта способность, опирающаяся на широчайшие и разнообразные познания, делает Ф. Энгельса одним из выдающихся энциклопедистов своего времени. И когда встала задача всестороннего обоснования нового мировоззрения, никто не был готов к его выполнению в такой мере, как Энгельс. Его интересы и теоретическая деятельность охватывали в равной мере и сферу общественных наук, и область философских проблем естествознания.

Материалистическое понимание общества и истории всегда было в центре внимания Энгельса. Исследовал ли он сложнейшие вопросы исторической науки — такие, как происхождение частной собственности, семьи, государства, — или анализировал определенный этап истории (как, например, в работе «Крестьянская война в Германии»), Энгельс видел смысл своих исследований не в бездумном накладывании готовых схем на имеющийся материал, а прежде всего, в проверке и уточнении общих методологических принципов. В этом же смысле Энгельс называл естествознание «пробным камнем» для диалектики. Многие годы он готовил книгу, посвященную философскому обобщению данных естественных наук. И здесь главной его целью было обогащение учения о развитии, о законах и категориях диалектики.

Доступ к богатейшим знаниям Энгельса всегда был открыт для революционеров всех стран. Его советы по вопросам стратегии и тактики классовой борьбы основывались на большом опыте политической деятельности и прекрасной осведомленности в положении в каждой стране (чему не в малой степени способствовало знание многих языков).

Особый интерес Энгельс питал к России, прозорливо угадывая в ней очаг грядущей революции. Он внимательно следил за распространением марксистских идей как в промышленных центрах, так и на окраинах.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 11.

России. Ему было известно, например, о двух попытках перевода «Манифеста Коммунистической партии» на армянский язык, предпринятых в 1887 и 1894 гг.²

Тесную связь Энгельс поддерживал с русской социал-демократией, с группой «Освобождение труда». При личных встречах с Г. В. Плехановым и в переписке с ним Энгельс обсуждал самые различные политические и теоретические проблемы. Примечательно, что одна из бесед касалась вопросов истории философии, в частности, оценки философии Спинозы³.

Одну из важнейших сторон многогранного теоретического наследия Энгельса составляет исследование проблем историко-философской науки. И это понятно: во всякой развитой системе философских взглядов то или иное истолкование специфики философского знания и предмета философии неизменно оказывается связанным с соответствующим пониманием особенностей становления и развития философии. В этом смысле марксистская концепция истории философии является существенным компонентом диалектико-материалистической философии.

Следует заметить также, что ряд ключевых вопросов истории философии и, прежде всего, методологических проблем историко-философского исследования в последние годы вызвал к себе повышенный интерес советских философов и даже стал предметом научной дискуссии, продолжающейся и по сей день на страницах наших философских журналов. Тем более уместно поэтому вновь обратиться к истокам марксистской историко-философской концепции, и в частности — к теоретическому наследию Энгельса.

Прежде всего нужно попытаться ясно представить, какие обстоятельства, какая необходимость заставляла Энгельса заниматься вопросами такой, казалось бы, далекой от всякой злободневности области знания, какой по видимости является история философии. Ведь эта необходимость, очевидно, не сводится к чисто просветительской задаче исследования взглядов того или иного мыслителя прошлого или некоторого периода истории философии, хотя за ней, вообще говоря, не приходится отрицать неоспоримой научной ценности.

В самом широком плане здесь воздействовала та же общая причина, которая обуславливала обращение Энгельса к самым различным областям действительности и познания, — испытание и оттачивание диалектико-материалистического метода анализа на конкретном материале, о чем уже упоминалось выше.

Но помимо этого, обращение к историко-философской проблематике было вызвано и какими-то особыми мотивами.

Исследования Энгельса, посвященные изучению взглядов классиков философской мысли, имели целью показать, что марксистская философия возникла не как случайное отклонение, а как прямое и непосредственное

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 18 и т. 39, стр. 270—271.

³ См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 360.

продолжение учений величайших мыслителей прошлого. Не кто иной как именно Энгельс доказал, что философия диалектического материализма — это ответ на те вопросы, которые — пусть не в адекватной теоретической форме — уже были поставлены предшествующим развитием; что в особенности после Гегеля и Фейербаха сделать новый шаг вперед — значило выйти за пределы прежних умозрительных и созерцательных философских теорий и встать на точку зрения материализма, проникнутого духом диалектики. Понятно, что такая направленность энгельсовского историко-философского анализа превращала его в действенное средство теоретического обоснования марксистской философии.

Этому сопутствовало еще и то обстоятельство, что критика теоретических источников марксистской философии в буржуазной и реформистской литературе нередко служила косвенной формой опровержения самой этой философии. Предполагалось, что мнимое разоблачение «пьяных спекуляций» «некоего Гегеля» (выражения Е. Дюринга) дискредитирует диалектическое мышление вообще, в особенности же метод материалистической диалектики; искажение материалистических взглядов Фейербаха призвано было создать впечатление, будто вульгарный материализм — единственно возможная форма материализма и т. д. и т. п. В этих условиях историко-философские исследования Энгельса служили выступлением в защиту классической философии и имели целью воссоздание подлинных взглядов мыслителей прошлого.

Наконец, что касается нападков на так называемую «традиционную философию» со стороны школ, утративших или даже отрицавших философскую проблематику, то Энгельс, защищая классиков, в сущности защищал философию (и прежде всего, разумеется, научную) от философского нигилизма и воинствующей полуграмотности. Об этой стороне энгельсовского интереса к классическому философскому наследию свидетельствует любопытный, отмеченный еще В. И. Лениным факт: Энгельс «...готов был ждать добра даже от поворота (в Англии и Скандинавии) к Гегелю, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения»⁴.

Таким образом, самоутверждение марксистской философии предполагало и включало в себя *самоопределение* — в том числе определение своего отношения и предшествующему философскому наследию. Необходимо было представить диалектико-материалистическое учение как закономерное продолжение передовых, прогрессивных традиций истории философии и одновременно раскрыть качественно новое содержание, отличающее философию марксизма от прежних философских теорий — как в понимании самой философии, так и ее основных категорий. Но это могло быть достигнуто лишь на пути объективно-научного изучения истории философии, классических философских систем, их сильных и слабых сторон.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 324. См также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 370.

Обращение Энгельса к историко-философской проблематике не было, следовательно, плодом простой любознательности. Его подход к этой области знания, продиктованной требованиями теоретического обоснования марксистской философии, исключал всякие представления о «неактуальности» проблем истории философии и возможности «нейтрально-го», внеидеологического их истолкования.

Все это, видимо, уже в какой-то мере подтверждает, что марксистская концепция истории философии действительно является одним из существенных компонентов диалектико-материалистической философии. Хотелось бы, однако, еще раз подчеркнуть, что речь здесь идет именно о теоретической концепции, общем понимании истории философского знания, а не об истории философии в целом, истории философии как науке. Но вследствие такого различения возникает вопрос о соотношении таких реаллий, как 1) общеполософская концепция, 2) теоретическая концепция истории философии и 3) наука, исследующая реально протекший процесс развития философской мысли. Этот вопрос уже сам по себе составляет одну из центральных методологических проблем историко-философского знания.

Если исходить из глубоких замечаний Энгельса относительно неразрывного единства между логическим и историческим⁵, то не должно вызывать сомнений утверждение о том, что между логическим и историческим изучением (и изложением) философии, т. е. между философией как логически связанной системой взглядов и системой представлений об историческом развитии философских знаний существует такое же единство, как между логическим и историческим вообще. Это единство наиболее органично воплощено в соотношении между общеполософской концепцией марксизма и научной историей философии. Некоторые советские философы, кажется, готовы пойти дальше, полагая, что философия марксизма «включает в свой состав и научную историю философии»⁶. Это означает, что в философию марксизма (которая при этом трактуется как понятие более широкое, чем «диалектический материализм») непосредственно включается все историко-философское знание в целом, *без различения* в нем теоретической концепции истории философии и специально-научного знания. Однако с таким объяснением едва ли можно согласиться.

Думается, что в состав философии марксизма (т. е. диалектического материализма) входит только марксистская теоретическая концепция истории философии. История же философии в целом может и должна рассматриваться как ветвь всеобщей истории, а именно как дисциплина специальнонаучная. Конечно, любое «конкретное» историко-философское исследование и историко-философская наука в целом предполагает определенную теоретическую концепцию, методологию. Поэтому теоретическая концепция истории философии, имея философскую, методоло-

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

⁶ Т. И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки. II, 1969, стр. 7.

гическую природу, вместе с тем принадлежит к истории философии как науке, воплощая в себе единство философии с этой наукой.

Правда, в связи с этим могут возникнуть опасения, что подобное решение приведет к некоторой раздвоенности или разнородности историко-философской науки. Однако эти опасения имели бы основание лишь в том случае, если бы специально-научное исследование и его методология были внешни, чужды друг другу. Ведь не распадаются же надвое вообще все специальные (частные) науки оттого, что в них признается существование двух уровней — эмпирического и теоретического. Различие — и существенное — состоит здесь в том, что в историко-философском знании теоретический уровень совпадает с философским, поскольку оно относится к истории такого предмета, как философия.

За этим различием между теоретической (философской) концепцией развития философского знания и историко-философской наукой существует такое же в принципе отношение, как между материалистическим пониманием истории и историческими науками вообще. Исторический материализм — методология исторического знания и как таковая представляет собой одну из важнейших сторон философии марксизма. Но философский характер исторического материализма и его действительно неразрывное единство с историческими науками не является поводом для включения в философию всего комплекса исторических дисциплин. Подобным же образом обстоит дело с диалектико-материалистическим пониманием истории философии, имеющим, несомненно, философскую сущность, и историко-философской наукой.

Из приведенных соображений становится ясным, что методологическое значение философской концепции для историко-философского исследования способен отрицать лишь тот, кто сводит задачи этой науки к эмпирическому описанию. Без философской концепции в историко-философском знании нет ни понимания предмета и цели исследования, ни критериев для выбора материала, ни «шкалы ценностей» для характеристики тех или иных учений, ни возможности для объяснения каких бы то ни было фактов или связей между ними.

И если основоположники марксизма возражали против гегелевского способа изложения истории философии, то эта критика была направлена не против того, что в его основу была положена какая-то концепция истории философии (Маркс в этом отношении высоко ставил Гегеля, считая, что он «...впервые постиг историю философии в целом»⁷, а Энгельс полагал, что гегелевские лекции по истории философии — «одно из гениальнейших произведений»⁸), а против характера — прежде всего, идеалистического содержания — этой концепции. Задача поэтому состояла не в том, чтобы очистить историко-философскую науку от каких

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 447 (подчеркнуто нами.—Л. А. Можно ли было охватить и постичь историю философии как целое без определенного понимания природы этой своеобразной целостности?).

⁸ Там же, т. 38, стр. 77.

бы то ни было теоретических предпосылок, которые, привнося «ретроспективный» взгляд на прошлое, якобы неизбежно вступают в противоречие с принципом историзма⁹, но в том, чтобы выработать новую, свободную от прежних ограниченностей и пороков концепцию истории философии.

Ближайшей основой марксистской концепции истории философии — в логическом (теоретическом) плане — является материалистическое понимание общества и его истории — развития всей материальной и духовной (в том числе, следовательно, философской) культуры. Вообще, кратко говоря, философия истории логически предваряет историю философии. Именно там в общем виде рассматривается вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, имеющий фундаментальное значение для понимания и самой философии как формы общественного сознания, и кардинальных закономерностей ее развития. В этом смысле марксистская концепция истории философии — компонент («часть») материалистического понимания истории или даже логическое следствие из него.

Поэтому, если бы Маркс и Энгельс имели в своем распоряжении готовую общую философскую теорию общественного развития, то им оставалось бы только «распространить» ее принципы на частный случай — на историю философской культуры. Между тем такую теорию предстояло еще выработать, причем путь к этому лежал через анализ, осмысление и переработку конкретного материала — данных естественных и общественных наук, в частности, исторических и — специально — истории философии. Не случайно уже первое совместно написанное произведение Маркса и Энгельса — «Святое семейство» — содержит солидный раздел, посвященный историко-философской проблематике. Здесь не только характеризуется целый ряд философских учений нового времени, но и — на основе преодоления прежних концепций истории философии — раскрываются ведущие тенденции поступательного движения философской мысли. В этом смысле имело место как будто обратное соотношение: история философии служила одной из областей, в процессе изучения которых формировалась философия марксизма.

Относительно раннего периода формирования марксистской философии (к которому и принадлежит «Святое семейство») последнее, очевидно, справедливо. *В целом же*, однако, следует полагать, что *два эти соотношения* не исключали, а *дополняли друг друга* — с преобладанием, впрочем, в зрелый период у историко-философских исследований функции обоснования марксистской философии.

Для научной истории философии исключительное, основополагающее значение имело создание Марксом и Энгельсом принципиально но-

⁹ В свете этого представляется несостоятельной альтернативная постановка вопроса: «историзм — конкретность социального анализа или ретроспектива?» (см. М. К. Петров. Предмет и цели изучения истории философии. «Вопросы философии», 1969, № 2, стр. 131—134). Критика этого взгляда дана в: З. А. Каменский. Вопросы методологии историко-философского исследования. «Философские науки», 1970, № 1.

ной концепции общественного сознания, учения об определяющей роли материальных и, в конечном счете, экономических условий по отношению к духовной жизни общества. Тем самым впервые был выработан материалистический взгляд на философское сознание и на весь историко-философский процесс. В сущности, это был коренной переворот в понимании того, что составляет последнюю основу развития философии.

Учение о вторичности общественного, в том числе философского, сознания с самого начала включало в себя идею о его относительной самостоятельности. Обстоятельства, однако, сложились таким образом, что не только идейные противники, но и некоторые молодые последователи Маркса и Энгельса истолковали (или, «добросовестно заблуждаясь», восприняли) это учение в смысле прямой, жесткой, однозначной детерминации экономикой содержания философских систем. Дело доходило до того, что П. Барт, автор книги о Гегеле и младогегельянстве, сетовал по поводу того, что во всех сочинениях Маркса он смог найти только один пример зависимости философии от материальных условий, а именно тот, что Декарт объявляет животных машинами... Очевидно, П. Барт просто не знал, что ему следовало искать.

В этих условиях Энгельс считал необходимым специально остановиться на вопросе об относительной самостоятельности сознания, в частности, философии, не столько подчеркивая при этом относительность самостоятельности, сколько направляя внимание, прежде всего, к формам и проявлениям этой самостоятельности.

Говоря о научном социализме, Энгельс отмечал, что эта теория по своему *содержанию* является отражением положения вещей и отношений, господствующих в капиталистическом обществе; по своей же *теоретической форме* она «выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века»¹⁰. Далее Энгельс формулировал свою мысль в более общем виде: всякая новая теория, хотя ее корни лежат глубоко в материальной почве, должна исходить прежде всего из накопленного до нее идейного материала.

Это объективно противоречивое положение вместе с общественным разделением труда, замыкающим мыслителя в узких пределах его специализации, порождает явление, которое Энгельс называл «идеологическим процессом»¹¹: возникает иллюзия, что не только форма, но и содержание духовной деятельности выводятся из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Тогда начинает казаться, что, если Гегель преодолевает Канта и Фихте, то этот процесс не выходит за пределы мыслительной области¹².

Ф. Энгельс показал, что материалистическое понимание истории опровергает эту идеалистическую иллюзию и раскрывает ее скрытый ис-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16.

¹¹ См. там же, т. 39, стр. 83.

¹² См. там же,

точник. Это, однако, не означает, будто тем самым он отвергал значительной стороны, которую он относил к форме. Более того, он подверг критике некоторые собственные и марксовы высказывания, в которых «...из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.»¹³.

Именно с существованием этого момента, называемого Энгельсом формой, т. е. с необходимостью наследования предшествующего идейного наследия, он связывал относительную самостоятельность, свойственную развитию философии. Он писал: «...философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками, и из которого она исходит. Этим объясняется, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум»¹⁴.

Относительная независимость развития философской мысли выражается, следовательно, в том, что оно не определяется однозначно уровнем экономического развития в данной стране. Тем самым в развитии философской проблематики признается существование собственной закономерности, своей особой внутренней логики, прямо не зависящей от логики экономического развития. По поводу форсированного движения немецкой классической философии от дуализма через субъективный идеализм к объективному Энгельс говорил: «Развитие немецкой философии от Канта к Гегелю было столь последовательно, столь логично, столь, если можно так выразиться, необходимо, что никакие другие системы, кроме упомянутых (имеются в виду философские учения Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.—Л. А.), не могли удержаться»¹⁵.

К внутренней логике развития философской мысли среди прочих мотивов Энгельс относил, в частности, так называемые «нужды системы» — тенденции любой философской системы к превращению в целостное, внутренне согласованное и завершенное в себе мыслительное образование. Подобное стремление, выражающееся в тяготении философского знания к системности, возникает, по Энгельсу, «...из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия»¹⁶.

Дело, однако, в том, что истинные «потребности человеческого духа», равно как и все другие «идеальные побудительные силы»¹⁷, не являются для Энгельса самостоятельными инстанциями; признание в развитии философии внутренней логики не приводит его к выводу о ее независимости от изменения материальных условий жизни общества. Не только в своих классических работах, но и письмах последнего периода (па это

¹³ Там же, т. 39, стр. 82.

¹⁴ Там же, т. 37, стр. 419—420.

¹⁵ Там же, т. 1, стр. 538.

¹⁶ Там же, т. 21, стр. 276.

¹⁷ См. там же, стр. 290 и 307.

приходится обращать внимание в связи с толками ревизионистов о некоей эволюции Энгельса в последние годы жизни) он специально подчеркивал это. Так, говоря о расцвете философии и литературы во Франции XVIII века, а затем в Германии, он вновь и вновь повторял: «Преобладание экономического развития в конечном счете и над этими областями для меня неоспоримо...»¹⁸. Вопрос — и вся его сложность — состоял лишь в том, как понимать это «преобладание».

Энгельс считал, что материальные условия жизни общества воздействуют на философию «по большей части *косвенным образом*»¹⁹. Связь между ними не прямая и непосредственная, а многократно опосредованная, так как философия принадлежит к тем формам общественного сознания, которые «...еще выше парят в воздухе»²⁰, чем, например, право. Влияние на философию факторов экономического порядка опосредуется, полагал Энгельс, политическими, юридическими и моральными отражениями, которые оказывают на философию уже прямое действие²¹.

К числу факторов, воздействующих на развитие философской мысли, Энгельс относил также специальные — общественные и естественные — науки. Он был убежден, что с каждым крупным открытием в естественнo-исторической области, знаменующим здесь новую эпоху, материалистическая философия также неизбежно должна изменять свою форму²². Господство в XVIII веке механистического материализма Энгельс отчасти объяснял тем, что из всех естественных наук к тому времени известной законченности достигла только механика²³. Некоторые недостатки философии Фейербаха он связывал с тем, что в силу обстоятельств тот был лишен возможности в достаточной мере следить за успехами естествознания²⁴ и т. д.

Энгельс, таким образом, учитывал, что философия в своем развитии испытывает воздействие множества различного рода факторов, вплоть до индивидуальных качеств мыслителей (он считал необходимым упомянуть, что Гегель «...обладал не только творческим гением, но и энциклопедической ученостью»²⁵). Поэтому Энгельс имел все основания заявить, что если кто-то искажает материалистическое понимание истории в том смысле, будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, то он превращает главный принцип этого учения в ничего не говорящую, абстрактную и бессмысленную фразу²⁶.

Вместе с тем энгельсовскую концепцию историко-философского процесса неверно трактовать в духе пресловутой «теории факторов».

¹⁸ Там же, т. 37, стр. 420.

¹⁹ Там же (подчеркнуто нами.—*Л. А.*).

²⁰ Там же, стр. 419.

²¹ См. там же, стр. 420.

²² См. там же, т. 21, стр. 286.

²³ См. там же.

²⁴ См. там же, стр. 288.

²⁵ Там же, стр. 278.

²⁶ См. там же, т. 37, стр. 394.

На ход развития философии влияют самые различные обстоятельства, но дело в том, что взаимодействующие здесь силы существенно неравны²⁷: многие из них несамостоятельны и сами в свою очередь требуют своего объяснения, которое вновь приводит к материальным условиям как к их реальной основе²⁸. Монизм философии марксизма и марксистской концепции развития философии заключается не в том, что экономический момент признается единственной и все определяющей причиной, а в том, что все воздействующие силы в *конечном итоге* сводятся к экономическому движению, которое определяет философское сознание, таким образом, лишь в последнем счете, воздействуя через ряд опосредованных, через бесконечное множество случайностей²⁹.

Но относительная независимость развития философии не исчерпывается тем, что оно определяется материальными условиями лишь в конечном итоге, неоднозначно, опосредовано. Их воздействие отнюдь не предопределяет всех мелких зигзагов и случайностей в историко-философском процессе. Им обуславливается, как полагал Энгельс, только общее направление и характер наиболее глубоких изменений в развитии философской мысли³⁰. Здесь действует та же закономерность, которую Энгельс обрисовал в общей форме: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно идеологической, тем больше мы будем находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что, чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет»³¹.

Наконец, одной из важнейших мыслей Энгельса о природе относительной самостоятельности в развитии философии является идея о том, что здесь воздействие материальных, экономических условий «...имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью»³². Как и во всех подобных случаях, внешние условия и причины действуют здесь через внутренние. Никак не приходится поэтому противопоставлять внешние (относимые Энгельсом к «содержанию») и внутренние (принадлежащие к «форме») моменты развития. Вопрос, следовательно, стоит вовсе не так, как это порой представлялось, будто надо признать либо определяющее значение экономических факторов, либо существование в истории философии внутренней логики. Первые реализуют свое действие, преломляясь через эту последнюю.

И уже для того, чтобы понять роль материальных условий в развитии философии (по, разумеется, не только для этого), необходимо понять

²⁷ См. там же, т. 37, стр. 420—421.

²⁸ См. там же, т. 21, стр. 307.

²⁹ См. там же, т. 37, стр. 394, т. 39, стр. 175 и др.

³⁰ См. там же, т. 37, стр. 420.

³¹ Там же, т. 39, стр. 176.

³² Там же, т. 37, стр. 420.

условия, «которые предписываются данной областью», надо знать, какова природа философии как особого вида знания.

Для марксистской концепции истории философии первостепенное значение имело определение Энгельсом основного вопроса философии. Дав это определение, имеющее прямое отношение к пониманию предмета философии, Энгельс в огромной мере способствовал выяснению условий, «предписываемых» самой этой областью, т. е. своеобразия философского знания. Суть дела не исчерпывается, однако, тем, что он тем самым открыл путь к ясному осознанию того, историю какого именно знания исследует научная история философии.

Если центральной проблемой философии является вопрос об отношении мышления к бытию, идеального к материальному³³, то, по логике Энгельса, основными потоками в истории философской мысли выступают материализм и идеализм, а история философии представляет собой историю того, как формировался самый вопрос о соотношении материи и сознания, как изменялись взгляды на решение этого вопроса, какая идейная борьба развертывалась вокруг него. Именно отсюда вытекало, что история философии, в сущности, есть история борьбы между материализмом и идеализмом. Таким образом, энгельсовское понимание «высшего вопроса» философии послужило основой для выработки строго научного принципа дифференциации существовавших в истории философии направлений, для характеристики и оценки философских школ и учений.

Само собой разумеется, что Энгельс, который полагал, что диалектико-материалистическая методология «...есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»³⁴, и который резко укорял тех молодых теоретиков, которым казалось, будто принятие этой методологии может служить «...предлогом, чтобы не изучать историю»³⁵, — понятно, что Энгельс не считал марксистскую концепцию истории философии средством для конструирования историко-философского знания.

Всю историю надо изучать заново, часто говорил Энгельс, и это относилось к необходимости и всю историю философии изучать заново. Энгельс был крайне недоволен теми, кто использовал понятия о материализме и идеализме для того, чтобы «как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные, относительно весьма скудные исторические познания»³⁶. Следовательно, по Энгельсу, также и *марксистская историко-философская концепция является средством для изучения истории философии, а не рычагом для «конструирования на манер гегельянства».*

³³ См. там же, т. 21, стр. 282—283.

³⁴ Там же, т. 37, стр. 371.

³⁵ Там же, стр. 370.

³⁶ Там же, стр. 371.

Как же следует изучать историю философии? Энгельс осуждал ученых, которые, относясь к мыслителям прошлого «сплошь и рядом свысока»³⁷, находили мелочное удовлетворение в том, чтобы выискивать в их трудах паралогизмы и противоречия. Это работа школьника, писал Энгельс. «Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное»³⁸.

Энгельс исходил из того, что человеческое мышление столь же суверенно и абсолютно, как и несуверенно, ограничено³⁹. Пределы каждому предшествующему поколению поставлены его временем — достигнутым уровнем знания, господствующим стилем мышления, разумом и предрассудками класса, к которому принадлежит мыслитель и т. д. Анализируя черты ограниченности исторических форм материализма и диалектики, Энгельс раскрывал их обусловленность временем, эпохой, и даже относительно метафизического способа мышления он полагал, что этот метод «...имел в свое время великое историческое оправдание»⁴⁰. Но самым важным для Энгельса было то, что через относительно адекватные, конечные и ограниченные формы мышления осуществляется абсолютное и бесконечное⁴¹.

Только такой подход к изучению истории философии позволял анализировать не одни только внешние и формальные, но и органические и сущностные противоречия (как, например, раскрытое Энгельсом противоречие между системой и методом в философии Гегеля), которые преодолеваются не посредством формальнологического согласования, а лишь в бесконечном поступательном движении философской мысли⁴².

Исходя именно из этой точки зрения, Энгельс говорил о глубокой противоречивости историко-философского процесса, о двойственном значении тех или иных направлений и учений. Даже натурфилософия, которую Энгельс подверг сокрушительной критике, содержала, по его мнению, «много осмысленного и разумного»⁴³. Исследуя философию Канта, Энгельс видел в ней не только несостоятельную попытку нового обоснования агностицизма, но важную веху в историческом преодолении вольфовской-метафизического метода (этот последний, писал Энгельс, «был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем...»⁴⁴).

При таком подходе — и лишь при таком — история философии как наука приобретает безусловную познавательную значимость, причем не только для философов по профессии, но и даже для естествоиспытателей.

Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует та или иная система философского мышления. Поэтому вопрос

³⁷ Там же, т. 20, стр. 87.

³⁸ Там же, т. 38, стр. 177.

³⁹ См. там же, т. 20, стр. 88.

⁴⁰ Там же, т. 21, стр. 303.

⁴¹ См. там же, т. 20, стр. 88.

⁴² См. там же, стр. 36 и 88.

⁴³ Там же, стр. 11—12.

⁴⁴ Там же, т. 13, стр. 495. См. также, т. 1, стр. 537.

лишь в том, чтобы руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями⁴⁵. Ведь свою историю имеет не только эмпирическое исследование природы, но и «искусство оперировать понятиями»⁴⁶. И для того, чтобы овладеть этим искусством, «...не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии»⁴⁷. Вдумываясь в эти слова, едва ли можно представить более высокую оценку познавательного значения истории философии.

Энгельс считал, что подлинным наследником классической философии, всего богатства идей, развитых философской мыслью на протяжении ее многовековой истории, является пролетарское революционное движение, социалистическое общество⁴⁸. Историю философии надо изучать для того, чтобы не оставаться только номинальным собственником и хранителем этого богатства, а действительно владеть им.

ԷՆԳԵԼՍԸ ԵՎ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՄԵԹՈԴՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՊՐՈԲԼԵՄՆԵՐԸ

(Ֆրիդրիխ Էնգելսի ծննդյան 150-ամյակի առթիվ)

Լ. Ա. ԱՔՐԱՆՄՅԱՆ

Փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր

Ա Մ Փ Ո Փ Ն Ա Մ

Ձ. Էնգելսի տեսական ժառանգության լրջսի տակ հողվածում քննարկվում է ն փիլիսոփայության պատմության մեթոդոլոգիական հետևյալ պրոբլեմները. փիլիսոփայության պատմության, որպես գիտության, փոխհարաբերությունը փիլիսոփայական գիտելիքների զարգացման առնչության (փիլիսոփայական) կոնցեպցիայի հետ, փիլիսոփայական մտքի զարգացման հարաբերական ինքնուրույնության հասկացությունը, փիլիսոփայության հիմնական հարցի էնգելսյան ընդունման նշանակությունը մարքսիստական պատմա-փիլիսոփայական կոնցեպցիայի համար, փիլիսոփայության գիտական պատմության ճանաչողական նշանակությունը և այլն:

⁴⁵ См. там же, т. 20, стр. 525.

⁴⁶ См. там же, стр. 14.

⁴⁷ Там же, стр. 366.

⁴⁸ См. там же, т. 21, стр. 317.